

Знак земли

Парадоксы жизни и творчества Михаила Пташука. К 80-летию со дня рождения

Накануне моей командировки в Федюки, на малую родину Пташука, зима ощерилась неожиданным гололедом. Пришлось отменить поездку и погрузиться в архивы, разговоры и воспоминания.

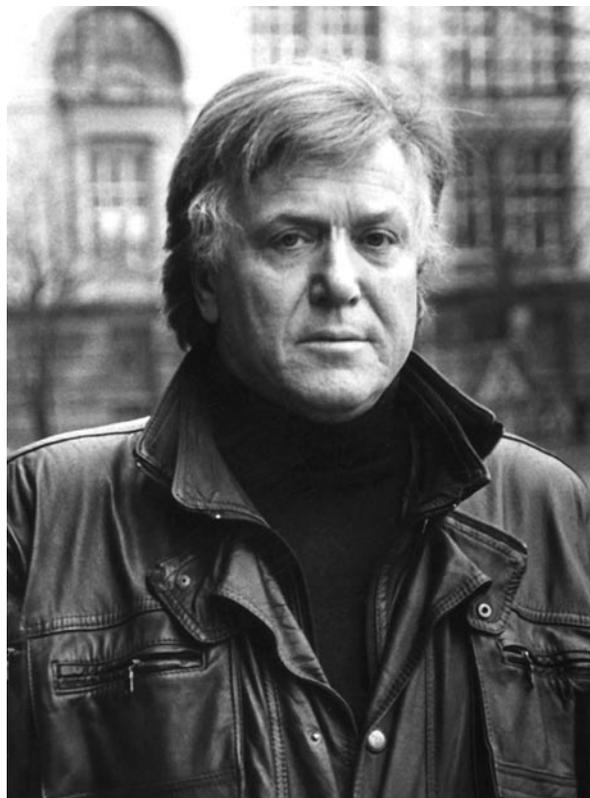
Закрываю глаза и плыву в пучине памяти, пока яркий свет не брызнет мне в лицо. Вот он в фойе Большого театра – народный артист БССР Михаил Пташук, массивный, пышущий жаром, как гомсель-машевский комбайн, горячо и бурно жестикулирующий. Рядом с ним тогдашний оперный директор Сергей Кортес, автор музыки к фильму «Возьму твою боль». О чем они спорят? Не о новых ли проектах, которые так и не сбылись?

В жизни и творчестве Пташука очень много боли. Даже свою автобиографическую повесть он назвал «И плач, и слезы», с подзаголовком «Исповедь кино-режиссера». Но рассказал ли он всю правду о себе, не спрятал ли за общительностью и искренностью глубочайшие тайны своей души?

Боль земли

Он родился в самый разгар великой войны в тысяче километров на запад от линии фронта. Его первый крик совпал с последними аккордами Сталинградской битвы, но пятьсот страшных дней и ночей пришлось пережить ему, младенцу, под гитлеровской оккупацией.

В феврале 1943-го, через две недели после его рождения, СД вместе с полицией развернули против полесских крестьян всю мощь карательной операции «Хорнунг». Ляховичский район тоже попал под удар, и только чудом Федюки избежали участи тысяч сожженных и разграбленных белорусских деревень.

Михаил Пташук. 1993 год

Пережили. Спаслись. Даже дом уцелел. Но испытания на этом не закончились.

Девятого января 1946 года ушел из жизни отец – Николай Михайлович Пташук. Ему было 34 года. Рассказывали, еще перед войной во время венчания у него в руке внезапно погасла свеча.

– Его убили, – оговорила однажды поэтесса Раиса Боровикова, близко дружившая с режиссером.

– Нашли его мертвым, – поведала мне дочь Лика Пташук. – Он работал в Барановичах. Никто не знает, что с ним случилось. Во время войны он был в партизанском отряде.

Такой же глубокой тайной покрыта и смерть младших братьев – близнецов Ваника и Тоника.

– Бабушка их так называла, – объясняет мне Лика Пташук.

В повести Пташука – Иванка и Толик.

«Меня преследует всю жизнь одна сцена детства, – пересказывает его слова Раиса Боровикова в своих воспоминаниях. – Хочу снять в кино – и не получается. В хате стоят три гроба: отец и два близнеца-брата. И я краду их из маленьких гробиков, пробую тянуть в сад, поиграть с ними... И мать всю жизнь мне про это рассказывала: ты не верил, что они умерли».

Может быть, с ними случилось то, о чем повествует Пташук в своем великом и мучительном фильме?

«Мать – это быковская Степанида из „Знака беды“... Немцы гнали на работу, и ей на живот наступила лошадь. Родились два близнеца, которые через семь дней умерли», – читаем далее воспоминания поэтессы.

Так или иначе, Михаил остался единственным продолжателем рода, наследником земли, хоть она

была уже колхозной. «Вось глядзі! Гэта ж твая зямля, тваё поле. Тут працавалі твой дзед, твой прадзед», – говорила ему бабтя Лиза, неродная бабушка, оказавшаяся ближе родной. «Мачеха моего отца, которая появилась в доме в годы Первой мировой войны, молодая, красивая, семнадцатилетняя, и заменила мою бабуку, умершую рано и оставившую двух маленьких детей: отца и тетку Маню», – рассказывает в своей повести режиссер.

После мужниной смерти бабтя Лиза по неписаному крестьянскому закону осталась в его доме вековать. Женила пасынка, дождалась внука. Мария Семеновна – мать режиссера – называла ее не иначе как мама. Две вдовы, две хранительницы рода ждали от Миши, что он вырастет и станет священником, как дед по матери. Или как дед по отцу – пахарем, продолжателем крестьянской династии Пташуков, восходящей, по легенде, к аристократам.

**«Гэта ж твая зямля, тваё поле.
Тут працавалі твой дзед, твой прадзед».**

«За Щарой лежат остатки бывшей панской усадьбы, – читаем в книге Пташука. – Эта усадьба принадлежала богатому человеку, содержавшему при дворце хор, солисткой которого была молодая и красивая крестьянка Софья, моя прапрапрабабка. Она родила от пана Мироевского моего прапрапрадеда Михаила, пан выдал ее замуж за человека по фамилии Пташук, наделил их землей и до самой

Михаил Пташук в родной деревне Федюки. 1986 год

Лилия, Лика и Михаил Пташуки. Середина 1970-х годов

Михаил Пташук с семнадцатилетней дочерью Ликой на съемках фильма «Знак беды». 1986 год

смерти содержал своего ребенка, от которого пошел наш род».

Эх, найти бы архивную запись об этом венчании! Но в Национальном историческом архиве Беларуси хранится книга метрик церковей Колженицкого благочиния лишь за 1841 год. Судьба остальных неизвестна.

Каким-то чудом в записях Даревской Свято-Троицкой церкви я нашла-таки свидетельство о том, что 12 января 1841 года крестьянин Антоний Пташук из деревни Коньки (это фактически продолжение Федюков) умер в возрасте 90 лет. Цифра, которую не стоит воспринимать буквально, потому что всех умерших стариков в те времена записывали как девяностолетних.

Но очевидно, что крестьянский род Пташуков хлебопашествовал на этой земле минимум с XVIII века. Вот они, на Даревском кладбище, о чем писал в мемуарах режиссер, – «положил на могилу цветы, налил в рюмки водку: маме, отцу, деду, бабушке, прабабушке, прапрабабушке, двум братьям меньшим».

А Мироевские в архивных книгах числятся хозяевами имений Дарево и Бржезувка (возможно, та самая усадьба за Щарой). Правда, записаны они на польский лад – Мержеевские.

– В историю с паном Мироевским не верю, но верить хочу, – признается дочь Пташука.

А я верю. Как и в волшебный сон бабти Лизы, о котором поведала мне Лика:

– Перед рождением отца ей приснился золотой мальчик, который обошел весь небосвод.

Своим крестьянским умом женщина рассудила, что Михаила ждет необыкновенная судьба. Но каким же тернистым был этот путь!

«Как крестьянин чувствует соль земли, правду земли, так и Миша чувствовал боль, драматизм своей многострадальной родины».

Коллективизация... «Наше гумно превратилось в огромный склад крестьянского инвентаря, который днем заполнялся телегами, плугами, лошадьми, а ночью все это люди забирали обратно», – вспоминал он в своей книге-исповеди.

Мать приняла коллективизацию как волю Божью, возглавила льноводческое звено, стала передовиком труда, депутатом Верховного Совета БССР. А вот Лиза... «Помню, как плакала моя бабтя, отдавая единственного коня в колхоз, как этот конь по ночам приходил к нашему сараю и тихо ржал – просился, чтобы впустили на его место».

В документальной повести Пташука есть странный и потрясающий эпизод высылки в Сибирь.

«И тут я увидел бабтю. Она шла в окружении двух энкавэдистов. У нее не было вещей. Никто ее не провожал. Она держала в руках икону Божьей Матери и гордо шла на эшафот. Я закричал: „Ба-ба!.. Ба-ба!.. Ба-а-ба!..“».

Было это наяву или во сне? Бабтя-то до самой смерти оставалась в деревне.

– Да, прекрасная сцена, – вздыхает Лика Пташук. – К сожалению, не знаю, правда ли это. Никогда об этом от папы не слышала. Книга ведь – это синтез, художественное произведение. Его исповедь – это как отец слышал, думал, знал и чувствовал. Это его сценарий.

По словам кинорежиссера Валерия Рыбарева, Пташук и вправду написал сценарий о собственном детстве под названием «Ангел-хранитель», но картину по нему так и не снял. В этом неснятом фильме были и безотцовщина, и ранняя душевная боль, и школа в Барановичах, куда он добирался зимой по льду через Щару, а летом на велосипеде.

Учиться Миша не любил. «Я мечтал: о Господи, помоги мне стать мухой, чтобы улететь через форточку с уроков», – со смехом вспоминал Пташук много лет спустя.

«Он не был интеллектуалом, – говорил в одном из интервью его старинный товарищ Леонид Пав-

лючик, работавший в советские времена главным редактором на «Беларусьфильме» и обозревателем газеты «Знамя юности». – Не цитировал Кьеркегора, классиков философии мог не знать. Но у него было нутряное крестьянское чутье. Как крестьянин чувствует соль земли, правду земли, так и Миша чувствовал боль, драматизм своей многострадальной родины».

Вишневый сад

Мог ли Пташук не стать режиссером?

В Федюках и слова такого не знали. Прослышав про его учебу в Москве, не поверили – «па кішэнях паехаў лазіць». И только письмо от ректора Щукинского театрального училища Бориса Захавы убедило односельчан, что парень и вправду учится.

– Папа в детстве ходил со своей мамой в клуб, где по вечерам собирались сельчане, чтобы послушать новости и радиоспектакли, которые уже тогда существовали, – рассказывает Лика Пташук. – Он вспоминал, что мир радиоспектаклей, проникавший в сельский клуб через простенький приемник, был для жителей деревни чем-то выдающимся, фантастическим в сравнении с тяжелой послевоенной реальностью.

На персональной выставке народного художника СССР Михаила Савицкого. Начало 1980-х годов

Стетей Валей Пинчук, родной сестрой отца, в деревне Головачи. 1990-е годы

«Сочи, сентябрь 1998 во время кинофестиваля „Кинотавр“.
Мой учитель – Г.Н. Данелия (справа). Председатель Госкино РФ – А.А. Медведев –
так написал на обороте этого фото Михаил Пташук

Михаил Пташук и звукорежиссер Сергей Шункевич во время озвучивания фильма к 75-летию Виктора Астафьева. 1998 год

В интервью обозревателю «Ляховичского вестника» Ольге Бородиной режиссер рассказывал об удивительных особенностях федюковской культурной жизни: «Когда в мою родную деревню привозили кино, я первым мчался за белым полотнищем для экрана, за что позволялось смотреть фильм бесплатно. Это были самые счастливые мгновенья».

– У нас дома сохранились два рулона льняной ткани, их выткала бабушка, – доверительно поделилась Лика Пташук. – Она сама лен собирала, пряла и ткала.

Позже в домотканое полотно Мария Семеновна заворачивала «кубельцы» сала, которые посылала сыну в Москву вместе с картошкой и сушеными грушами из своего сада. Но кто знает, может, именно ее рукодельный «лен» светился то «Чапаевым», то «Константином Заслоновым»?.. «Потом к нам приехал театр, – продолжал свой рассказ Михаил Пташук, – и я смотрел спектакль. А после, помню как вчера, подошел к актерам и сказал, что они не так играют. Режиссер театра согласился и заметил: „Быть тебе режиссером“».

Правда ли это? В его характере хватало мистификаторства. Его могли остановить на киностудии и спросить, как найти режиссера Михаила Пташука,

и он с серьезным видом отвечал: на втором этаже, в таком-то кабинете.

Той же ляховичской журналистке он рассказал, что поступил в Щукинское училище сразу после школы. Хотя, по словам Лики Пташук, уйдя в шестнадцать лет из дома, успел поучиться и в Калининградском культпросветучилище, и в Минском театральном-художественном институте на одном курсе с Борисом Луценко и Валерием Раевским. Руководитель курса Владимир Андреевич Маланкин исключил его за «профнепригодность, юность и незрелость», и вот тогда – пан или пропал – без всякой поддержки, без связей Пташук отправился в Москву.

Позднее были Высшие курсы сценаристов и режиссеров при Госкино СССР. Дипломный фильм «Про Витю, про Машу и морскую пехоту», принесший ему первые призы, снимал в мастерской Георгия Данелии. Фамилия Пташук, должно быть, настолько впечатлила Георгия Николаевича, что в 1979 году он наделил ею одного из персонажей «Осеннего марафона».

Евгений Пташук – неудачливый поклонник Аллы с лицом Владимира Грамматикова. Обиделся ли Михаил Николаевич? Не знаю. Но в Ляховичах

он рассказывал совершенно иную историю своей дипломной работы: «Судьба подарила мне встречу с замечательным человеком, актером, режиссером и педагогом Василием Шукшиным. У него я проходил практику и дипломную свою работу снимал по сценарию Василия Макаровича. Назывался сценарий „Шлагбаум“, а фильм я назвал „На обочине“».

Такого фильма в пташуконской фильмографии нет. Хотя кто знает? Многим ли известно, что в 1999 году Пташук с одним из любимейших его актеров Алексеем Петренко снял фильм к 75-летию русского писателя Виктора Астафьева? «И Пташук, и Петренко знали Виктора Астафьева лично, а фильм готовили в качестве дружеского подарка, – свидетельствует Сергей Шункевич, участвовавший в проекте как звукорежиссер. – Я, кстати, пару лет назад вспомнил об этой работе и попытался найти в интернете картину, но безрезультатно: подарок другу не отражен в фильмографии ни одного, ни другого мастера».

Михаил Пташук с детских лет очень любил читать. Может быть, именно чтение пробудило в нем режиссера. Чтение... и федюковский сад.

– Я помню этот сад, – рассказывает Ли́ка Пташук. – С ним связана потрясающая история. Приехали мы с отцом в деревню, посмотрела я на небо, обложенное туманом, на Щару вдалеке, на бесконечные темные леса и спрашиваю: «Папа, как тебе вообще пришла в голову мысль стать режиссером?» И он рассказал, как в школьной библиотеке ему попался томик пьес Чехова, а в нем – «Вишневый сад».

**«Ён, як прыедзе суды, усё спяшаецца.
Не паспееш яму паставіць на стол
паесці, ён ужо кудысьці бяжыць».**

Будущему режиссеру было тогда лет 14–15. И закрутилось: Барановичи, клуб железнодорожников... «Я здесь впервые в жизни дебютировал как певец, – рассказывал он спустя годы. – Потом здесь был замечательный руководитель театрального коллектива Виктор Сергеевич Соколов. Он меня позвал в драматический кружок. Это был 9–10 класс. Я играл все главные роли! И он мне говорит: „Ты должен быть артистом!“ А я: „Нет-нет, хочу быть режиссером!“».

Действие многих картин Пташука происходит как бы в стенах его родного дома в Федюках. На съемках пятисерийного художественного телефильма «Время выбрало нас». В роли секретаря райкома комсомола Ивана Воронежского – московский артист Евгений Герасимов. 1978 год

Ли́ка Пташук досаждает, что в Беларуси ее отца не знают как театрального режиссера. После «Щуки» он несколько лет странствовал по театрам большой страны. В Астрахани познакомился с будущей женой. Когда работал в московском театре «Ромэн», родилась Ли́ка... Воистину цыганская жизнь! Случалось, даже мебель в комнате, где они жили, была бутафорская, а спали на козлах. Лишь после «Про Витю, про Машу и морскую пехоту» тогдашний директор «Беларусьфильма» Владимир Корш-Саблин позвал Пташуков в Минск.

«Вишне́вый сад» Михаил Пташук так и не поставил, хотя боль «Вишневого сада» – его боль. «Я первый ушел из деревни, поехал в Москву учиться, – вспоминал он. – Родня не могла простить: за мной пошли другие, рассыпались по белу свету. Я с годами осознал драму рода, но что мог сделать? Осознание пришло, когда бабтя стала вырубать сад».

«Зачем вы это делаете? – спрашивал он у матери, когда приезжал на каникулы. – Он что, мешает вам? Зачем рубите? Такой сад!».

А мать, как он говорил, еще молодая, краснощекая, отвечала: «Кому он нужен, сынок? Кто в этой хате останется? Мы с бабушкой помрем, ты сюда не вернешься».

Она умерла в его минской квартире после долгой, мучительной болезни. А дом после смерти отца и матери Ли́ка отдала для устройства в нем музея, и сейчас на его стене мемориальная доска, а в Федюках поклонный крест.

Но главный памятник вскормившей его земле режиссер воздвиг в своих фильмах. Из картины в картину кочевала планировка их федюковского дома. А портрет матери из родной хаты присутствует во всех его работах. «Все герои перемещаются по нашему дому. Не надо ничего выдумывать! Я знаю, как протекает жизнь в этом доме утром, днем и вечером и каково его состояние в любое время суток», – это слова Пташука.

Режиссер сам часто брал в руки камеру. На съемках фильма «Знак беды». 1986 год

Где бы он ни был, частичка его всегда оставалась в Федюках. Даже в Венеции, сидя в кафе напротив церкви, где похоронен Тинторетто, он рассказывал Валерию Рыбареvu: «Ты знаешь, где бы я ни был, в какой бы я ни был стране, я почему-то все время вспоминаю свою деревню и свой дом. В малейших деталях, до щербиночки – все всплывает в памяти». И еще. «Кроме моей деревни и Москвы, у меня ничего не было. Я ничего не видел и не знал. Мой путь в жизни был один: Федюки – Москва», – читаем в исповеди Михаила Пташука.

Он не ездил снимать на море и гордился этим. Не курортник, а крестьянин, он пахал на съемочной площадке и заставлял напрягаться других. А когда заканчивалось время «пахоты», всей съемочной группой врвались в материнский дом.

– Помню, как в холодные летние и осенние вечера топилась печка, – рассказывает Ли́ка Пташук, – а папа приезжал, как говорят у нас, знянацку. А бабушка: «А вой-ёй-ёй, а Мішка прыехаў! А вы заходзь-

це, заходзьце, калі ласка!» И тут же накрывала на стол. Жарила на большой сковороде яешню на сале, варила картоплю, у нее и пляшечка заветная на этот случай была припасена.

Да вот беда, не длится праздник вечно...

Рассказывает Вячеслав Войшевич, уроженец Липска, работавший в 1980-х годах начальником парткабинета в Ляховичском райкоме КПБ: «Адзін раз адправілі мяне на праверку якраз у Федзюкі. Ідзём мы па вёсцы з прафсаюзным лідарам калгаса Колем Васілько, насустрач на вуліцы Марыя Сямёнаўна, Пташуква маці. Паздароваліся, і Васілько пытае:

– Як Міша? Прыязджае? Бывае?

– Ай, таго Мішу – што вы мяне пытаеце?

Віжу, што яна без настрою, без гумору была.

– Ён, як прыедзе сюды, усё спяшаецца. Не паспеех яму паставіць на стол паесці, ён ужо кудысьці бяжыць, ляціць, як быццам у яго шворан у адным месцы пастаўлены».

«Воспринимаю его жизнь как чудо. Необыкновенная, яркая, наполненная интереснейшими событиями».

Корень-то сельский, а скорости уже городские. Разрывало ли это самого Пташука? Может быть. Жизнь в кино нелегко ему давалась. Дочь вспоминает 1999 год, когда шли съемки, пожалуй, наиболее известного и востребованного сегодня фильма Пташука «В августе 44-го...»:

– Очень жаркое лето было. Мы все страдали от жары, отец – от солнечных ожогов, которые получил на съемках. Приехала к нему в номер, и первое, что бросилось в глаза, – на столе куча таблеток, причем разных. А в холодильнике бутылка водки. И это вот сочетание меня настолько потрясло, что я поняла, что должна здесь пробыть как можно дольше.

Картина «В августе 44-го...» во всех отношениях снималась очень тяжело. Семьсот человек массовки. Неподатливые, трудные натурные съемки – от великого до смешного, когда тщательно отобранная поляна вдруг оказывалась вся в коровьих лепешках.

– Но почему-то запомнила папу, снимающим кино в валенках, в деревенском кожухе, по колено в снегу, – говорит Лика Пташук.

Так, в двадцатиградусные морозы снимался его, без преувеличения, великий фильм «Знак беды». Через тернии – к звездам. Крупным, сияющим звездам в небе над Федюками.

– Я воспринимаю его жизнь как чудо, – признается Лика. – Необыкновенная, яркая, наполненная интереснейшими событиями.

За свою недолгую жизнь Михаил Пташук собрал чуть ли не больше фестивальных призов, нежели все режиссеры «Беларусьфильма» вместе взятые.

– Это был праздник, когда папа с победой возвращался домой. Открывалась дверь – и он, сияющий: «Девки, я вам золотую бабу привез!» И триумфально поднимал над головой очередной фестивальный приз. Распаковывал огромную сумку. Он всегда привозил горы подарков для мамы, для меня, для моего сына Мишеньки. А потом целую ночь показывал в лицах все, что происходило на фестивале.

Лика хохочет, видимо, вспомнив отцовские истории о закулисье зарубежных кинофорумов.

Привычку и умение рассказывать в лицах он унаследовал от матери. Молчаливая и замкнутая

Подготовка к съемкам очередной сцены фильма «В августе 44-го...». Капитан Алехин – Евгений Миронов. В роли подполковника (справа) – продюсер картины Владимир Семаго. 1999 год

Мария Семеновна с поразительной точностью и юмором изображала всех односельчан. Редкая красавица, в других условиях она могла бы стать звездой театра или кино. И вот парадокс: за всю жизнь она не посмотрела ни одной картины сына.

Страдал ли он из-за этого? Кто знает... Его любили и ненавидели. Люто завидовали из-за того, что в фильмах Пташука снимались московские звезды: Нина Русланова, Михаил Ульянов, Алексей Петренко, Евгений Миронов. Шептались за спиной: мол, с такими актерскими силами любой фильм победит на кинофестивалях.

Невзлюбила Пташука и ультралиберальная московская пресса. Невероятно: в 13-минутном фильме НТВ о картине «В августе 44-го...» Пташук с камерой на плече то и дело мелькает в кадре, но упоминается единственный раз – аж на 12-й минуте.

– Для уважаемого режиссера Михаила Пташука средств не жалели, – с явной издевкой вещала с экрана молодая дама. – Все для его фронта, все для его победы. И вскоре награда нашла своего героя. Пташука вызвали в Москву, чтобы вручить приз за лучший фильм года, но он так его и не получил.

«Он как-то обмолвился, что крик плачущей птицы был для него звуком смерти».

Алексей Петренко пояснил: «Какая-то журналистка его взяла с собой. Сел он рядом с ней, и поехали. Она на встречу и под грузовик. Они столкнулись, ничего не осталось от них».

Да, Михаил Пташук ушел из жизни рано, нелепо и страшно: попал в аварию по дороге на церемонию «Ники», где «В августе 44-го...» претендовал на победу в шести номинациях, включая главную – «Лучший фильм». Воистину награда твоя на небесах!..

Где был тогда его ангел-хранитель? Архангел Михаил, чье имя режиссер получил при крещении и которому мечтал посвятить фильм о самом себе? Почему смерть случилась на взлете, когда, казалось, еще шаг – и он подружит наше белорусское кино с технологиями Голливуда?

**Михаил Пташук
с «Большим
хрустальным аистом»
III Республиканского
фестиваля белорусских
фильмов в Бресте
(за фильм
«В августе 44-го...»)
2001 год**

– После просмотра фильма «В августе 44-го...» известный американский продюсер Роджер Корман позвонил папе домой. Сказал, что ему очень понравился фильм, и предложил работу в проекте «Песня розы». Потом эта картина получила название «В июне 41-го», – вспоминает Лика Пташук.

Роджер Корман – громадного роста уроженец Детройта, спродюсировавший за свою почти столетнюю жизнь 455 фильмов, среди которых не только достославная «Эммануэль», но и «Фицкарральдо» Херцога, «Осенняя соната» Бергмана и «Амаркорд» Феллини, сравнивал Пташука со Стивеном Спилбергом и очень серьезно нацеливался с ним на «Оскара». А почему бы, собственно, и нет?! На международном кинофестивале в югославском Сопотце «Знак беды» взял главный приз, с легкостью уложив на лопатки оscarоносный «Взвод» Оливера Стоуна.

В перспективе маячил «белорусский „Титаник“» – фильм о Чернобыле. Но начать решили с картины «Песня Розы», в американском прокате The Burning Land («Выжженная земля»). Она задумывалась чуть ли не как приквел к «Августу 44-го...». Молодая еврейка из США отправляется в БССР на поиски фольклора, и тут ее застает война.

Фильм снимался в Брестской области, но на монтаж и озвучивание Пташук в начале апреля 2002 года прилетел в Голливуд. Первые впечатления в его дневнике: «Все по-новому. Другой мир. Другая

жизнь. Все, все другое». Он восхищается улицами, музеями, супермаркетами, людьми, ритмом, настроением «города ангелов». Покупает внуку Мише водяной пистолет и джедайский меч.

Но главное, по словам Пташука, «вся голливудская компания в восторге от фильма. Они даже снизили цену за свою работу и увеличили качество – «долби» будет такой, как в США. Все они носятся со мной, готовят нам обед, предоставляют все, что необходимо». Впрочем, при всех восторгах он ясно видит свои художественные расхождения с Америкой: «Американцы – профессионалы высокого качества, но образную структуру фильма не чувствуют и не понимают! Что видят на экране, так и делают звук, но кино – это не только то, что видим в кадре, но что и за кадром! И, может, это важнее всего!».

Предложил продюсеру свою идею фильма «Американская мать». Корман ухватился, стал обсуждать детали. «Мерил Стрип – главная роль? Стара!» – иронизирует Пташук, хотя любой другой режиссер прыгал бы до небес от одной мысли о работе с грандамой американского кино.

Мастер скучает по дому. Ежедневно перезванивается с Лилей (в 2002 году связь была стократ хуже и дороже, чем теперь). Везде, даже в Беверли-Хиллз, видит свои Федюки. Томится странным чувством обреченности, хотя ничто, казалось бы, не предвещает беды. «Я проснулся в Голливуде. Темно. Первое воскресенье в жизни – в Америке и, по-видимому, последнее! Так хочется пойти в церковь! Православную! И поблагодарить Бога за всё, что Он сделал для меня!» – пишет он в дневнике 7 апреля, за 19 дней до гибели.

Именно в те дни в голливудских сусеках Пташук отыскивал тот звук, за которым безрезультатно охотился во всех фонотеках, в каких ему довелось побывать. Отчаянный, смертный крик птицы – тот самый, когда бабтя срубила яблоню в саду и гнездо с птенцами рухнуло на землю.

– Отец рассказывал об этой находке в нашу последнюю встречу, – глаза Лики наполняются сле-

ТОП-5 ФИЛЬМОВ МИХАИЛА ПТАШУКА (ПО ВЕРСИИ ЖУРНАЛА «БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА»)

«В августе 44-го...»
«Беларусьфильм», 2000

«Знак беды»
«Беларусьфильм», 1986

«Возьму твою боль»
«Беларусьфильм», 1980

«Наш бронепоезд»
«Беларусьфильм», 1988

«В июне 41-го»
«Киноальянс» (Россия) –
Juja Films (США), 2003

зами. – Он как-то обмолвился, что крик плачущей птицы, так он его называл, был для него звуком смерти.

В этом крике для него сосредоточилась не только боль по срубленному федюковскому саду, но и вся боль мира, ведь он птах, Пташук, раненая птица, которую не исцелить ни «золотыми бабами», ни чудесами Голливуда. Он птах, но он же и дерево. И если когда-нибудь возродится на нашей земле мучительное, страстное, взывающее к совести, великое кино, то возродится только из пташукского корня, живого и настоящего, как птица, как сад, как струющаяся Щара за окном в его родных Федюках.

Юлия АНДРЕЕВА

Фото из открытых источников